

Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2025. № 3 (88). С. 139–151.
The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin. 2025; 3 (88):139–151.

Научная статья

УДК 821.161.1-43.09"18"

DOI 10.37724/RSU.2025.88.3.013

Жанрово-стилевое своеобразие путевых очерков И. А. Гончарова и А. П. Чехова о Сибири

Камола Тулкинбек кизи Абдурауфова¹, Татьяна Васильевна Федосеева²

¹ Шахрисабзский государственный педагогический институт, Шахрисабз, Узбекистан

¹ kamola199407@gmail.com

² Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, Рязань, Россия

² t.fedosееva@rsu-rzn.ru

Аннотация. В статье рассматривается комплекс вопросов, связанных с художественным своеобразием путевых очерков И. А. Гончарова и А. П. Чехова о Сибири. Выделен ряд общих предпосылок идеологического и культурологического плана, оказавших влияние на «сибирские» главы книги очерков «Фрегат “Паллада”» Гончарова и очерки Чехова «Из Сибири». Установлено, что художественное освоение сибирского топоса двумя писателями в значительной степени обусловлено особенностями переломного периода в историческом развитии России, связанного с отменой крепостного права. Анализ выявил специфику объектно-субъектной организации произведений, которая заключается в том, что воображение рассказчика преобразует сибирское пространство. Топос, наделенный свойством субъектности, испытывает героя, выдвигает на его пути препятствие, преодолевая которое тот переходит на новый уровень восприятия мира. Жанрово-стилевое своеобразие «сибирского текста» Гончарова и Чехова усматривается в использовании приема мифологизации описываемого географического пространства. Исследование показало, что при создании авторского мифа о Сибири писатели опираются на представление лиминального хронотопа в двух вариантах. В анализируемых главах книги Гончарова эта функция представлена переходом через пустынные просторы Сибири во время возвращения героя из кругосветного путешествия. В очерках Чехова эту функцию выполняет переправа через Енисей. Сделан вывод о том, что путешествие по Сибири приравнивается к акту духовной инициации героя-повествователя.

Ключевые слова: духовная инициация героя, жанр очерка, лиминальный хронотоп, мотив смертельного испытания, миф, мифологизация пространства, обряд, образ-архетип, образ путешественника, «сибирский» текст, травелог, топос Сибири.

Для цитирования: Абдурауфова К. Т. кизи, Федосеева Т. В. Жанрово-стилевое своеобразие путевых очерков И. А. Гончарова и А. П. Чехова о Сибири // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2025. № 3 (88). С. 139–151. DOI: 10.37724/RSU.2025.88.3.013.

Original article

The genre and stylistic originality of travel essays by I. A. Goncharov and A. P. Chekhov about Siberia

Kamola Tulkinbek kizi Abduraufova¹, Tatyana Vasilyevna Fedoseeva²

¹ Shakhrisabz State Pedagogical Institute, Shakhrisabz, Uzbekistan

² Ryazan State University named for S. A. Yesenin, Ryazan, Russia

¹ kamola199407@gmail.com

² t.fedosееva@rsu-rzn.ru

Abstract. The article examines a number of issues related to the artistic originality of travel essays about Siberia written by Ivan Goncharov and Anton Chekhov. It highlights a number of common ideological and cultural assumptions that influenced the “Siberian” chapters of the travelogue book *Frigate “Pallada”* and

Chekhov's essays *From Siberia*. We show that the artistic exploration of Siberian topos by the two writers was largely determined by the peculiarities of the turning point in Russia's historical development associated with the abolition of serfdom. The analysis reveals the specificity of the object-subject organization of the works, which consists in the fact that the narrator's imagination transforms the Siberian space. The topos acquires certain agency and tests the hero, putting obstacles in his way. By overcoming them, he moves to a new level of perception of the world. The genre and stylistic originality of Goncharov's and Chekhov's "Siberian texts" can be seen in the use of mythologizing the described geographical space. The study showed that in creating the author's myth about Siberia, the writers rely on representation of the liminal chronotope in two variants. In the analyzed chapters of Goncharov's book, this function is represented by the hero's journey through the spacious areas of Siberia on his return from a trip around the world. In Chekhov's essays, this function is performed by the crossing of the Yenisei River. The conclusion is made that the journey through Siberia is equated with the act of spiritual initiation of the hero-narrator.

Keywords: spiritual initiation of the hero, essay genre, liminal chronotope, motif of mortal trial, myth, mythologization of space, ritual, image-archetype, image of a traveler, "Siberian" text, travelogue, topos of Siberia.

For citation: Abdurafova K. T. kizi, Fedoseeva T. V. The genre and stylistic originality of travel essays by I. A. Goncharov and A. P. Chekhov about Siberia. *The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin*, 2025; 3 (88):139–151. (In Russ.). DOI: 10.37724/RSU.2025.88.3.013.

Введение

Творческая деятельность И. А. Гончарова и А. П. Чехова относится к одному из важнейших периодов в общественно-политической и культурной жизни России. Отмена крепостного права способствовала постановке в сознании русского общества комплекса сложных вопросов, большую роль в разрешении которых играла интеллигенция, деятели науки и культуры. На страницах литературных произведений появлялись герои — носители идей и теорий, отражающих движение общественно-политической мысли и одновременно намечающих возможный исход событий и судеб поколения современников. Исторический момент способствовал обострению интереса к «мысли народной» в литературном творчестве и к идее возвращения к культурным истокам нации. «Когда писатели обращались к кризисным моментам жизни, к рождению и смерти, к периодам смен и обновлений, они вольно или невольно устремлялись к "мысли народной"», — заметил В. Г. Одинокоев [Одинокоев, 1971, с. 6]. Отмеченные мировоззренческие процессы закономерно отражались на преобразовании жанровых форм в литературе.

Для литературного процесса второй половины XIX века был характерен повышенный интерес к бытовым деталям народной жизни. Первоочередной задачей для литераторов тогда стало «изучение жизни народа, его материальной и духовной культуры» [Соколова, 2017, с. 261]. Это был особый период развития литературы, когда «утверждалось доверие к реальности, проявившееся в стремлении ее возможно глубже понять и точнее изобразить» [Гусева, 2018, с. 15]. Этнографические тенденции в русской литературе были связаны с «постепенно возрастающим интересом писателей к различным граням жизни простого народа: особенностям ментальности, природного окружения, материальной и духовной культуры, внутреннему миру человеческой личности» [Ушакова, 2019, с. 132]. В этом же ряду в литературном процессе стояла смена поэтического ракурса на прозаический, что было обусловлено новой эстетической парадигмой — «"литература стиха" превращалась в "литературу прозы"» [Никуличев, 1998, с. 157], и вместе с тем — усиление общего драматического пафоса. Представление о национальной картине мира должно было обрести целостность в сознании русского общества. Большую роль в развитии литературы играли специальные экспедиции, основной целью которых было знакомство с «живой» традицией и ее носителями. Для писателей такие поездки были неотъемлемой частью творческого процесса в разработке новых идей и образов, а также в освоении специальных художественных приемов. Данная деятельность дополнялась открытием этнографических музеев и журналов.

Говоря об этнографических тенденциях в реалистической литературе второй половины XIX века, А. Л. Фокеев делает ряд важных выводов, утверждая, в частности, проникновение писателей «в освещение крестьянского быта, во внутренний мир личности, в духовную жизнь народа» [Фокеев, 2004, с. 20]. Сложившаяся к 1860-м годам школа русской прозы была отмечена поиском новых художественных форм и жанров, в которых фольклорно-этнографические структуры приобретали основное значение, а жанр очерка стал ведущим, видоизменившим рассказово-очерковую прозу до этнографической [Там же, 2004, с. 19–20].

В связи с вышеотмеченным обратим внимание на интерес писателей к жанру путевого очерка, сложившегося в начале XIX века и примыкающего своей спецификой к традиции древнерусского путешествия (хождения), а также «сентиментального» и «просветительского» путешествия XVIII века [Иванова, 2009]. Для путевого очерка характерны описания событий и встреч, последовательность которых составляет сюжетную линию произведения. В то же время в основе его пространственной организации находится комплекс архетипических представлений о мире, выраженный через образ пути-дороги, а также мотив преодоления пространственных границ между «своим» миром и «чужим». Последний аспект позволяет говорить о репрезентации авторского «я» в структуре путевого очерка.

Многоплановость задач, стоявших перед авторами путевого очерка второй половины XIX века, предопределила его поэтическое усложнение. Наблюдалось взаимодействие двух функций — путешественника как участника или свидетеля событий и повествователя, вступающего в сложные диалогические отношения с внешней средой и с самим собой. Значением субъектности наделялся «сам мир, который автор-путешественник открывает» [Аксенова, 2018, с. 173]. Существенной стороной жанра путевого очерка становится создание индивидуального мифа об осваиваемом в процессе путешествия пространстве.

Определив в качестве объекта изучения образ Сибири, обратимся к анализу «сибирских» глав книги очерков И. А. Гончарова «Фрегат “Паллада”» (1858) и путевых записок А. П. Чехова «Из Сибири» (1890). Историко-типологический метод исследования и сравнительно-сопоставительный анализ произведений двух авторов позволит определить общие для них черты, обусловленные историческим моментом, а также различия, связанные с характером творческой индивидуальности каждого.

Гипотеза нашего исследования определяется следующим образом: в структуре повествования очерков И. А. Гончарова и А. П. Чехова о Сибири отмечается развертывание содержания из физического пространства в духовное. В произведениях двух авторов наблюдается усиление функциональности образа путешественника-повествователя и связанных с ним экзистенциальных смыслов в общей концепции диалога-взаимодействия путешественника с местом и с идеей путешествия.

Основная часть

«Сибирский текст» и вопрос о жанровой специфике путевых очерков

Сибирь была одним из объектов интереса русских писателей рассматриваемого периода. Это уникальное место с экзотической для русского человека центральной России природой и культурой населяющих ее народов. Рассматривая «сибирский текст» как семиотическую систему, совокупность кодов, обратимся к вопросу о принципах создания и функционирования данной системы как жанра.

Говоря о «сибирском тексте», исследователи используют понятия и термины, введенные в литературоведческий оборот представителями тартуско-московской семиотической школы, которые отталкивались от теории о «гении места» Н. П. Анциферова [Анциферов, 1928]. В работах Ю. М. Лотмана [Лотман, 2000] и В. Н. Топорова [Топоров, 1995] осуществлялась репрезентация локальных литературных сверхтекстов — столичных и региональных. На современном этапе работы о локальных литературных сверхтекстах были обращены на «петербургский» текст, получивший целостное описание, а также на «московский», «венецианский», «римский», находящиеся в разработке и по сей день. Научный интерес у современных исследователей вызывают региональные сверхтексты. Данный аспект сложнее, так как, во-первых, географическое представление о регионе шире, чем о столице, во-вторых, «не любая местность способна “породить” свой текст», в-третьих, «образ не каждого города и не каждой местности (суммарный образ, созданный в произведениях писателей различных эпох) может обладать чертами сверхтекста» [Меднис, 2003, с. 64]. Исследование освоенных человеком пространств или локусов многопланово и базируется на интересе к национальному менталитету русского человека, для которого особое значение имеет «его социокультурное пространство, в том числе освоенный им локус как место жизни» [Старыгина, 2017, с. 130]. Если говорить о систематизации локальных

сверхтекстов, то они обычно определяются названиями городов (петербургский, пермский, московский, тверской и др.), регионов (крымский, северный или сибирский), условного пространства (деревенский, усадебный, степной, лесной, морской).

Н. Е. Меднис в концепции текстов и сверхтекстов, продолжая традиции тартуско-московской семиотической школы, отмечала присутствие регионов в творчестве писателей в форме «осколочных текстовых образований», которые не дают целостного представления о регионе. Ситуация осложняется еще и тем, что художественный материал неоднороден и оценить его целиком не представляется возможным. Единственным выходом из сложившейся ситуации признана коллективная работа, направленная на реконструкцию и описание региональных сверхтекстов, например сибирского. В этом направлении проводится большая работа. Отметим, в частности, коллективные монографии: *Сибирский текст в национальном сюжетном пространстве* (2010); *Сибирская идентичность в зеркале литературного текста. Тропы, топосы, жанровые формы XIX–XXI веков* (2015).

Следуя традиции, сформировавшейся под воздействием идей Ю. М. Лотмана, В. Н. Топорова, В. И. Тюпы, мы будем говорить о «сибирском тексте» как особом типе культурного текста. По Лотману, он относится к сложным, многоярусным системам [Лотман, 2000, с. 507]. Важным для нашего исследования является замечание Топорова о «надтексте» как совокупности вариантов, которые восходят к одному источнику. Эту ситуацию исследователь проецирует на вариативность жанра сказки и проблему взаимодействия сказки с мифом, выражающим архетипическое сознание. «Надтекст» в данном контексте представляется как «семиотическое образование палимпсестного характера» [Тюпа, 2009, с. 253]. С семиотической точки зрения феномен «текст в тексте» может быть рассмотрен в аспекте синтеза художественной и мифологической картин мира. Тюпа пишет о решающей роли мифологического субстрата (при рассмотрении «надтекста»), так как он «питает единую мифотектонику всего палимпсестного ряда произведений» [Тюпа, 2009, с. 253].

Описание структуры сибирского текста складывается из общего представления о надтексте, а также из его взаимодействия с вариантами. В. И. Тюпа рассматривает Сибирь с точки зрения «фундаментальной могильности». «Хронотопический образ Сибири в русской классической литературе, — отмечает исследователь, — представляет ее страной холода — зимы — ночи (луны), т.е. смерти в мифологическом на нее воззрении» [Тюпа, 2009, с. 255]. Для нас представляется важным отмеченный ученым факт мнимости смертельной опасности Сибири: «Это вообще отнюдь не inferнальный хронотоп окончательной и бесповоротной смерти, но скорее “богоугодное” место временной смерти: лиминальный хронотоп смертельного испытания» [Тюпа, 2009, с. 255]. Речь идет о фазе обряда инициации, символической смерти его участников с последующим возвращением их к жизни в новом статусе. Таким образом, Сибирь наделяется свойствами лиминального хронотопа, а само путешествие может приравняться к духовной инициации героя-путешественника.

Во второй половине XIX века у просвещенной части русского общества не было достаточных знаний для понимания взаимосвязи географического пространства Сибири с Россией. Отсутствовала возможность правильно оценить значение региона как части национальной картины мира, а также понять его причастность к комплексу определяющих культуру России архетипических представлений о мире. На этом фоне еще большую значимость приобретают вопросы национальной специфики быта, народных традиций, уходящих корнями в глубокую древность и являющихся неотъемлемой частью русской национальной картины мира.

Исследуемый нами жанр путевого очерка представляет собой синтез документальных, художественных и фольклорно-мифологических форм национальной культуры. Индивидуально-авторское начало в нем соотносится с главной задачей путешественника — дать достоверные сведения о незнакомых или малоизвестных странах, землях, народах и их культурах. Как пишет А. А. Решетова, «с одной стороны, локальный текст переводит факты местные в разряд национально значимых, а с другой, будучи неотделим от реального географического пространства, дает представление о топографии и истории конкретного места, его культуре и традициях, сложившемся менталитете местных жителей» [Решетова, 2023, с. 103]. Конечно, путешественники не ограничивались познавательными задачами, дополняли их задачами эстетическими, философскими, социально-политическими. Художественный текст становился результатом индиви-

дуально-авторского мифотворчества и напрямую зависел от жанровой установки, вследствие которой усиливается и наделяется определенным вектором развития сам процесс мифологизации географического пространства.

В путевых очерках рассматриваемого нами периода внимание писателей смещается в сторону человека, его судьбы в виде подробных деталей, с пристальным вниманием к реальному моменту происходящих событий, натуралистичности и безыскусственности изображенного мира. «Писатели точно регистрируют современные им бытовые ситуации и формы, предметное разнообразие в его живописной пестроте. Меняется вся жанровая и тематическая организация литературы» [Гусева, 2018, с. 15]. Этнографические черты в контексте данного жанра обретают особое звучание и статус жанровой генерализации. По М. М. Бахтину, работа с жанровыми формами приравнивается к процессу «понимающего овладения и завершения действительности» [Бахтин, 1986, с. 428].

Таким образом, жанр путевого очерка многофункционален. Он обладает скрытыми возможностями, которые являются благодаря писателям второй половины XIX века, что не отрицает связи с уже сложившейся национальной традицией средневековых хождений, сентиментальных и романтических путешествий.

Многоплановость задач, стоявших перед авторами путевого очерка второй половины XIX века, предопределила еще большее его усложнение. Важную роль в таком опыте играет творческий элемент — творческая составляющая личности путешественника.

Образ Сибири в очерках книги И. А. Гончарова «Фрегат “Паллада”»

Особенности жанра книги очерков И. А. Гончарова «Фрегат “Паллада”» определяются опытом участия писателя в 1852–1854 годах в кругосветном путешествии, когда он состоял секретарем миссии адмирала Е. В. Путятина. На Гончарова была возложена обязанность вести письменные дела и отчетность, в основном о плавании, в ходе которого было посещено около 30 государств. В некоторых особо важных случаях ему было поручено вести дипломатическую документацию и протоколы переговоров. Установление торговых и политических связей между Россией и Японией было одной из основных целей кругосветной миссии генерала-адъютанта Путятина, успешно достигнутых. Главой миссии отмечалась значимая роль Гончарова в этом непростом процессе.

Работа над текстом «Фрегата “Паллады”» велась во время путешествия, но писатель и позднее возвращался к очеркам, помня о том, что меняется время, а с ним и читатель [Балакин, 2019, с. 293]. Первый путевой очерк «Ликийские острова» был напечатан в журнале «Современник» сразу после возвращения И. А. Гончарова из путешествия в 1855 году. Далее его очерки публиковались в «Морском сборнике», «Русском вестнике», в «Отечественных записках». Первое полное издание путевых заметок вышло в 1858 году, а спустя четверть века книга была переработана автором, с добавлением своеобразного эпилога — «Через двадцать лет». Жанровая природа книги до настоящего времени исследователями определяется по-разному. И. Н. Мокеева пишет: «Стремление отметить яркую самобытность книги И. А. Гончарова приводило к тому, что в традиционные жанровые определения “путевые очерки”, “путевые заметки”, “очерки путешествия” вносились дополнения, призванные отразить особенности жанра», и подчеркивает, что «это книга очерков, тесно спаянных авторской концепцией» и представляющих «цельную картину мира» в интерпретации писателя [Мокеева, 1992, с. 95]. Будем придерживаться трактовки жанрового определения книги «Фрегат “Паллада”» как обновленного варианта путевых очерков.

Сибирские главы книги И. А. Гончарова составлены из описания пути от Якутска до Иркутска и включают в себя очерки «Обратный путь через Сибирь», «Из Якутска», «До Иркутска», к ним примыкает очерк «По Восточной Сибири. В Якутске и Иркутске», написанный в конце 1870-х годов. По отношению к основной части книги объем «сибирских глав» невелик, это всего лишь сто страниц текста, но именно в них формируется целостность общей концепции кругосветного путешествия, участником которого был писатель. Сама идея «возвращения» стала многозначной, если говорить о суждениях путешественника относительно Сибири и России. Это было возвращение после долгого кругосветного путешествия как новое обретение, пости-

жение своего, «заповедного». Опыт и впечатления писателя значительно расширились, но была очевидна близость ему пространства Сибири по духу. Для «сибирских» глав актуален художественный код самого писателя, в частности архетипическая основа его романного дискурса.

Исследователи отмечают параллельную работу И. А. Гончарова над романной трилогией и книгой «Фрегат “Паллада”». Путешествие писателя стало частью творческого процесса, его важной составляющей, требующей соответствующей творческому замыслу жанровой формы. Путевой очерк оказался адекватной формой для воплощения образа путешественника, особым образом воспринимающего новое для него пространство, признающего его самоценность и воссоздающего в детализированном виде. Л. М. Лотман справедливо отметила последовательный интерес писателя к такому образу, указав на наличие писательского таланта у главных героев трех его романов и на связь идеи книги очерков с замыслом романа «Обломов» [Лотман, 1982]. Оправдано также замечание В. А. Котельникова, утверждающего, что в гончаровском путешественнике соединились два образа — «страстного художника и натурфилософа» и «заинтересованного, любознательного путешественника» [Котельников, 1993, с. 23]. Сама задача писателя-романиста и путешественника-очеркиста предполагала поиск и открытие новых граней в сфере национальной жизни. Из традиционного и вполне характерного противопоставления своего, известного и привычного мира чужому миру, еще непознанному, складывалось представление о новой цивилизации и новой России. Известно, что работа над текстом книги «Фрегат “Паллада”» была длительной и сопровождалась тщательной авторской правкой и что в ней выражена идея Гончарова о переломном моменте в развитии мировой цивилизации, предполагающем наступление периода зрелости.

Сибирские главы путешествия И. А. Гончарова — это описание его сухопутного возвращения в Петербург с берега Охотского моря после того, как фрегат «Паллада» был затоплен. Данный опыт был для писателя важной составляющей в его творческой работе. Неоднозначность оценок образа Сибири и небольшое количество общей информации о ней в печати давали простор для субъективности личного восприятия. Гончаров «ожидает» встречу с новым для себя миром, который он воспринимал как «замечательный», «гостеприимный», многие черты Сибири опоэтизированы писателем. Не случайно его современники отмечали превалирование в тексте художественного начала над документальным. Это мнение подтверждал и сам писатель, говоря о необходимости художественной обработки материала. Он принимает сибирское пространство как свое, «родное», отсюда и определение Сибири как части России. Гончаров пишет: «... все-таки это Русь, хотя и сибирская Русь! У ней есть много особенностей как в природе, так и в людских нравах, обычаях, отчасти, как вы видите, в языке, что и образует ей свою коренную, немного суровую, но величавую физиономию» [Гончаров, 1997, с. 529]. В ранних редакциях писатель, чтобы охарактеризовать Сибирь, использовал слово «матушка». Примеры такого типа повествования исследователи относят к лиричным, возвышенным, В. А. Котельников называл их «интимными эмоциональными вспышками» [Subspecietolerantiae ... , 2008, с. 529].

Восприятие Сибири путешественником, отраженное в путевых очерках И. А. Гончарова, определяется тем, что морская поездка вокруг света сменилась сухопутной. Во всех смыслах слова писатель был привязан к земле, по которой совершалось возвращение домой. Исследователи обращают внимание на лейтмотив пустынной местности, хотя на самом деле Сибирь таковой не является, и на то, что каждый шаг — это открытие ее богатейших ресурсов и только для нее характерных особенностей. Гончаровский вариант сибирского текста и хронотопа Сибири развернут из мотива перехода через местность, которая названа «пустыней»: «Еду я все еще по пустыне и долго буду ехать: дни, недели, почти месяцы. Это не поездка, не путешествие, это особая жизнь: так длинен этот путь, так однообразно тянутся дни за днями, мелькают станции за станциями, стелются бесконечные снежные поля, идут по сторонам Лены высокие горы с красивым лиственничным лесом...» [Гончаров, 1997, с. 699].

Чуждость осваиваемого пространства преодолевается по мере того, как путешественник погружается в его атмосферу и опознает себя в нем. Данному процессу в значительной мере способствует и стилистическая возвышенность, поэтичность повествования: «Надо быть отчаянным поэтом, чтоб на тысячах верст наслаждаться величием пустынного и скукой собственного молчания...» [Гончаров, 1997, с. 645]. Путешествие Гончарова по Сибири включено в контекст кругосветного плавания, это путь путешественника-чиновника, имеющего свою официальную позицию

по вопросу освоения земель Сибири. Писатель «вполне сознательно формирует несколько идеализированный и гармоничный образ Сибири как русского колонизируемого Востока в противовес описанной им колонизаторской деятельности Британской империи в ее азиатских и африканских колониях» [Курило, Новикова, 2022, с. 30]. В результате складывается общий героический, миссионерский пафос путешествия и осознание писателем своей особой миссии — познания не только нового пространства, но и себя путем освоения чужого и принятия его как своего.

Обратим внимание и на такую особенность: в процессе создания индивидуального мифа о Сибири И. А. Гончаров в качестве вспомогательного компонента использует литературную и, шире, культурную традицию, к которой обращается путешественник. Одну из остановок-встреч он называет «Станционный смотритель». Пейзажная зарисовка постепенно оборачивается театральными декорациями и ассоциируется с представлением знаменитой оперы и отдельными ее сценами: «Все еще пустыня, все Лена! Я сейчас из леса: как он хорош, осыпанный, обремененный снегом! Столетние сосны, ели, лиственницы толпятся группами или разбросаны врозь. Взошел молодой месяц и осветил лес, чего тут нет? Какой разгул для фантазии: то будто женщина стоит на коленях, окруженная малютками, и о чем-то умоляет: все это деревья и кусты с нависшим снегом; то будто танцующие фигуры; то медведь на задних лапах; а мертвецов какая пропасть! Особенно когда заснешь — беда: у шапки образуются сосульки и идут к бровям, от бровей другие к ресницам, а от ресниц к усам и к шарфу. Сквозь эту ледяную решетку лес кажется совсем фантастическим. Это природная декорация “Нормы”» [Гончаров, 1997, с. 705]. Река Лена для путешественника — проводник в заповедные места Сибири, которые в определенный момент трансформируются в образ сибирской Руси: «Слава Богу! все стало походить на Россию... Летают воробьи и грачи, поют петухи, мальчишки свищут, машут на проезжающую тройку, и дым столбом идет вертикально из множества труб — дым отечества! Всем знакомые картины на Руси!..» — восклицает герой с той же проникновенностью, как до этого обращался к реке: «Лена, Лена и Лена!..» [Гончаров, 1997, с. 708].

Описание Сибири — не главная цель путешественника, хотя фактов, заслуживающих его внимания, довольно много. Важнее — формирующееся в процессе повествования ощущение мифологической составляющей образа Сибири, которая не всегда подвластна человеку и не видна невооруженным глазом. Самодостаточность Сибири — в ее заповедности, закрытости от чужого глаза. Очерки И. А. Гончарова о Сибири, по А. Ф. Лосеву, — «в словах данная чудесная личностная история» [Лосев, 1991, с. 171], рассказываемая путешественником. Она воспринимается как процесс самоидентификации рассказчика себя через миф о Сибири, который, если следовать логике автора, есть первичная реальность.

В очерках И. А. Гончарова Сибирь, напоминающая Россию, оказывается лучше нее, так как, по словам путешественника, в ней нет «следов крепостного права» [Гончаров, 1997, с. 710]. Мотив сна, в который герой буквально проваливается в конце путешествия — прямая отсылка к сну Обломова. Благодаря этому осуществляется художественный выход из мифологизированного и опозитизированного в очерках пространства Сибири в реальность крепостнической России. Образ Сибири остается автономным, как лучший вариант представленного в романе «Обломов» заповедного и родного пространства.

Пространственная организация очерков А. П. Чехова «Из Сибири»

Очерки А. П. Чехова «Из Сибири» были опубликованы в 1890 году. Книга состоит из девяти глав и первоначально печаталась под разными названиями. Первые главы носили название «Из Сибири», а последние — «По Сибири». Впоследствии писатель остановился на названии «Из Сибири», что отражало концепцию всего путешествия, глубину проникновения в проблемы и особенности региона. Главы книги отдельными очерками печатались в газетах «Сибирский вестник», «Восточное обозрение», в жанровом отношении сближались автором с эпистолярными произведениями, выражающими личные впечатления путешественника.

Обратим внимание на название — «Из Сибири», подчеркивающее интерес автора к внутреннему устройству региона и личную заинтересованность в происходящем. Тогда как название «По Сибири» фиксирует внимание читателя на процессе передвижения по знаменито-

му Сибирскому тракту. Указание на то, что информация от путешественника поступает «из» Сибири усиливает эффект документальности, настраивает не только на знакомство с местностью, но и на правдивое изображение существующих в изучаемом регионе проблем. Это чеховское произведение отличается особой жанровой свободой, гибкостью и склонностью к жанровому синтезу [Скибина, 2015, с. 140]. В нем А. П. Чехов выступает и как путешественник, и как журналист, и как этнограф, обращающий пристальное внимание на быт, традиции и языковые особенности встречаемых им людей. Для содержания книги характерна формула: «Сибирь↔человек↔Россия», где интерес к человеку, его судьбе уравнивает такие полярные миры, как Сибирь и Россия. Наличие в структуре книги элементов разных жанров не противоречит ее художественной и концептуальной целостности. Эстетический баланс достигается прежде всего тем, что автор не делает различия между реалиями жизни и художественными элементами.

Воссозданное А. П. Чеховым путешествие по Сибири содержит подробное описание местности: ее характер меняется в зависимости от географического положения. Путь от Тюмени до Томска представляет собой широкое пространство равнины с лишь кое-где разнообразившими пейзаж кривыми березками и покрытыми льдом озерами. От Томска ландшафт меняется, на смену равнинной местности приходит холмистая, а безлесное пространство оборачивается тайгой — густыми зарослями сосен, елей, лиственниц, берез. Особое место в описании Сибири занимают реки, каждая из которых наделяется своим характером и требует от путешественника терпения, потому что переправа через разлившиеся весной реки сопровождается многими трудностями.

К сверхзадачам книги очерков А. П. Чехова следует отнести обращение к образам и мотивам русской литературы, благодаря чему создается эффект взаимодействия и взаимопроникновения пространств Сибири и России. Литературный план усиливает процесс мифологизации хронотопа. Восьмая глава цикла, самая большая по объему, представляет собой кульминационную часть книги и посвящена образу дороги, ключевому для жанра путевого очерка. Сибирский тракт охарактеризован Чеховым с нескольких позиций. Реальное положение вещей и общее состояние магистральной дороги соединяется с художественным планом изображения. В него привнесены сатирические элементы, восходящие к гоголевской традиции, которая была объявлена самим писателем. Именно в этом очерке в полной мере проявляется особенность образного восприятия реальности путешественником.

Самый неудобный для проезда участок дороги, прозванный в народе Козулькой, рождает множество рассказов: «Один встречный говорит, что он четыре раза опрокинулся, другой жалуется, что у него ось сломалась, третий угрюмо молчит... На меня все смотрят с сожалением, как на покойника...» [Чехов, 2010, с. 330]. Эти рассказы, как пишет автор, «...до того запугивают воображение, что таинственная Козулька начинает сниться в виде птицы с длинным клювом и зелеными глазами» [Чехов, 2010, с. 329]. Дорога показана как часть административной системы края, отражающая все ее негативные стороны, в то время как природа в своей органичной красоте противопоставлена Сибирскому тракту. В некоторых случаях природа помогает объехать Козульку, что развенчает миф о враждебности дороги человеку.

А. П. Чехов показывает, что непригодным для использования Сибирский тракт делает человек, а не природа. Причина этого — «господа чиновники», которые «аккуратно прочитывают» жалобы и ставят на них резолюцию: «Оставить без последствий». При таком отношении Сибирский тракт становится непреодолимым препятствием для путешественников. Только там, где его не коснулась рука чиновников, можно проехать без дурных последствий для жизни. Но Козулек, как замечает путешественник, на самом деле намного больше, как и тех, кто не хочет заниматься вопросом благоустройства дорог. Если ранее в очерке речь шла о скуке и тоске, которые часто овладевают жителями этого края, то одна из причин этого — в дорогах, по которым не может проехать даже почта, обеспечивающая «религию, просвещение, торговлю, порядок...» [Чехов, 2010, с. 330].

Народ терпит произвол чиновников, которые часто меняются и не успевают привести в исполнение ни свои планы, ни угрозы. А. П. Чехов свои негативные впечатления от действий администрации передает, напоминая о жизни в городе Глупове из «Истории одного города» М. Е. Салтыкова-Щедрина: сменяющие друг друга чиновники, прибывая на вверенный им участок Сибирского тракта, придумывают нелепые указы по преобразованию дороги, не отличающиеся эффективностью, и заставляют крестьян их выполнять [Чехов, 2010, с. 331]. Если чиновники не сидят на одном месте, то у крестьян, нет выбора и им приходится терпеть произвол

и подчиняться: «Чтоб завтра же была починена дорога! Завтра буду ехать назад, и если увижу, что дорога не починена, то я тебе рожу раскровеню, искалечу разбойника! Пош-шел вон! Мужичонко заморгал глазами, вспотел, сделал лицо еще кривее и юркнул в дверь... Интересно бы знать, что успел мужичонко сделать до завтра? И что можно сделать в такой короткий срок?» [Чехов, 2010, с. 331]. Щедринский код у Чехова связан с мотивами долготерпения народа и злоупотребления чиновников данной им властью.

Пригодная для езды дорога в Сибири, как пишет А. П. Чехов, существует только в воображении писателей, которые создают свой миф о Сибирском тракте. Восьмая глава очерков Чехова «Из Сибири» отличается сказовой манерой, писатель не только критически оценивает Сибирский тракт («самая большая и, кажется, самая безобразная дорога во всем свете»), но и воспринимает его как неотъемлемую часть народного предания.

Скупые пейзажные зарисовки в заключительной части очерка получают иное, лирическое решение, уже в гоголевской традиции. А. П. Чехов связывает будущее Сибири с ее водными ресурсами. Поэтическое описание рек содержит их оценку как национального богатства. Последний фактор подтверждается параллелями — Енисей — могучий богатырь, Волга — скромная красавица. Стихийное, мифологическое начало, доминирующее в образе Енисея, дополняется литературными образами, близкими народному сознанию и творчеству, тесно связанному с трудом. «На Волге человек начал удалю, а кончил стоном, который зовется песнью; — пишет Чехов, — яркие, золотые надежды сменились у него немочью, которую принято называть русским пессимизмом, на Енисее же жизнь началась стоном, а кончится удалю, какая нам и во сне не снилась» [Чехов, 2010, с. 335]. В этом фрагменте автор прибегает к реминисценции на текст стихотворения Н. А. Некрасова «На Волге», противопоставляя связанному с образом Волги негативному смыслу (лирический герой Некрасова называет ее «рекою рабства и тоски») позитивный, извлеченный из фольклорно-мифологического образа сибирской реки.

В процесс мифологизации пространства Сибири А. П. Чехов подключает глубинные пласты фольклорно-мифологического сознания народа, запечатленного в устных текстах. В частности, мифологема реки включается им в общую концепцию путешествия. Традиционные смыслы устно-поэтической образности органично влетают в модель очеркового повествования, соединяя сознание автора-путешественника с народной стихией, делая их одним целым.

С реками Сибири в очерках А. П. Чехова связана не только идея обновления региона, но и процесс инициации путешественника. Лиминальным хронотопом Сибири, основанным на идее пограничного состояния ее пространства между своим для путешественника миром и чужим, порождается мотива двоемирия. Двойственность изображенного пространства обнаруживается на различных уровнях, начиная с восприятия Сибири в политическом контексте российской действительности и заканчивая «живой» каторжной жизнью, которую наблюдает путешественник. Переправа с одного берега Енисея на другой, в результате чего путешественник оказывается на берегу магистральных сибирских рек, создает целостную картину лиминального хронотопа. Детали данного феномена рассмотрены в работе одного из авторов данной статьи [Абдурауфова, 2023].

Отметим, что миф в структуре чеховского путешествия также может быть представлен в аспекте формулы А. Ф. Лосева. Через мифологическую сторону действительности, природный ландшафт, определяемый архетипической составляющей народного сознания, к которой герой оказывается причастным, происходит самоидентификация образа путешественника.

Заключение

Основанием для сопоставления произведений И. А. Гончарова и А. П. Чехова стала функциональность образа Сибири в общей повествовательной структуре путевого очерка. Речь идет о функции перехода героя-путешественника через физическую и ментальную границу, преодоление препятствий между «своим» и «чужим», трансформации аксиологических ориентиров. Образ автора-путешественника, в свою очередь, наделен особой чувствительностью, ключом к постижению нового становится опозитизированное, художественное восприятие путешественником творцом окружающего мира. Путешественник включается в мифопоэтическую систему отношений, синтезируя реально происходящее с уже имеющимся литературным опытом.

Проведенное исследование позволяет сделать ряд выводов.

Во-первых, о жанровой гибкости произведений И. А. Гончарова и А. П. Чехова: в структуре путевого очерка складывается особый тип отношений между героем-путешественником и местом путешествия. Работа над жанровой формой у обоих писателей ориентирована на формирование в рамках концепции путешествия индивидуально-авторского мифа о Сибири.

Во-вторых, сознанию путешественника в анализируемых очерках свойственны открытость и стремление к диалогу на основе личного творческого опыта, что создает предпосылки для процесса мифологизации, который может быть описан посредством формулы А. Ф. Лосева — миф есть в словах данная чудесная личностная история, где компонент «чудо» свидетельствует о моменте перехода через границу другой реальности и преодолении ее чуждости, признании самоценности, родственности пространства Сибири России.

В-третьих, в основе «сибирского» хронотопа очерков И. А. Гончарова и А. П. Чехова лежат характерные для путевого нарратива классические мотивы дороги и встречи, в функции лиминального хронотопа двух его вариантов — «пустыни» (Гончаров) и «реки» (Чехов) — путешествие служит осуществлению процесса инициации героя.

В-четвертых, «сибирский» текст И. А. Гончарова и А. П. Чехова содержит в качестве важного художественного компонента литературный план — это творчество самих писателей, по отношению к которому «сибирский» текст выполняет функцию «текста в тексте», подтекста, интертекста, а также литературная традиция в широком смысле слова, укрепляющая позицию героя-путешественника и организующая процесс мифотворчества в создании каждым из двух авторов индивидуального, опозитизированного образа Сибири.

Список источников

1. Абдурауфова К. Т. Репрезентация геокультурного пространства в очерках А. П. Чехова «Из Сибири» // Феномен творческой личности в культуре. Фатющенко-ские чтения. Вып. 10 : материалы X Междунар. науч. конф. — М. : Наука, 2023. — С. 242–247.
2. Аксенова М. В. Травелог: путешествие жанра и жанр путешествий // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. — 2018. — № 3 (31). — С. 170–174.
3. Анциферов Н. П. Душа Петербурга. — СПб. : Изд-во Брокгауза и Ефрона, 1928. — 228 с.
4. Балакин А. Ю. И. А. Гончаров — участник переговоров с японцами (по материалам РГА ВМФ) // Литературный факт. — 2019. — № 4 (14). — С. 293–313.
5. Бахтин М. М. Литературно-критические статьи. — М. : Художественная литература, 1986. — 541 с.
6. Гончаров И. А. Полное собрание сочинений и писем : в 20 т. — СПб. : Наука, 1997. — Т. 2. — 642 с.
7. Гусева Е. А. Становление и развитие физиологического очерка в русской литературе // Вопросы русской литературы. — 2018. — № 20 (77). — С. 13–26. — URL : <https://m.eruditor.one/file/4108196/> (дата обращения: 18.11.2024).
8. Иванова Н. В. Генетическая основа жанра «путевых записок» // Текст и контекст в литературоведении : сб. науч. ст. по материалам Междунар. науч. конф. XI Виноградовские чтения / отв. ред. С. А. Джанумов. — М. : Моск. гос. пед. ун-т, 2009. — С. 77–82.
9. Котельников В. А. Иван Александрович Гончаров. — М. : Просвещение, 1993. — 191 с.
10. Курило С. А., Новикова Е. Г. Образ Сибири как российского колониального Востока в травелог И. А. Гончарова «Фрегат Паллада» // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. — 2022. — № 4 (32). — С. 22–40.
11. Лосев А. Ф. Философия. Мифология. Культура. — М. : Политиздат, 1991. — 524 с.
12. Лотман Л. М. И. А. Гончаров // История русской литературы : в 4 т. — Л. : Наука : Ленинград. отд-ние, 1980—1983. — Т. 3 : Расцвет реализма. История русской литературы. — 1982. — С. 160–202. — URL : <https://feb-web.ru/feb/irl/r10/r13/r13-1602.htm> (дата обращения: 24.12.2024).
13. Лотман Ю. М. Семиосфера. — СПб. : Искусство-СПб., 2000. — 563 с.
14. Меднис Н. Е. Сверхтексты в русской литературе. — Новосибирск : Изд-во Новосиб. гос. пед. ун-та, 2003. — 170 с.
15. Мокеева И. Н. Жанровое своеобразие «Фрегата “Паллада”» И. А. Гончарова // Гончаров И. А. : материалы юб. гончаровской конф. 1987 года / ред. Н. Б. Шарыгина. — Ульяновск : Симбирская книга, 1992. — С. 95–104.

16. Никуличев Ю. К социальной истории русской литературы // Вопросы литературы. — 1998, нояб., дек. — С. 155–167.
17. Одинокое В. Г. Проблемы поэтики и типологии русского романа XIX века. — Новосибирск : Наука, 1971. — 192 с.
18. Решетова А. А. Травелог как источник исследования локального текста (на материале записок иностранных путешественников XV–XVII веков о Рязани) // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. — 2023. — № 2 (79). — С. 101–114. — DOI:10.37724/RSU.2023.79.2.010.
19. Сибирская идентичность в зеркале литературного текста. Тропы, топосы, жанровые формы XIX–XXI веков. — М. : Флинта : Наука 2015. — 384 с.
20. Сибирский текст в национальном сюжетном пространстве. — Красноярск : Сибир. федер. ун-т, 2010. — 237 с.
21. Скибина О. М. Путевые очерки Чехова в контексте массовой литературы: проблема взаимовлияния // Вопросы теории и практики журналистики. — 2015. — № 4. — С. 385–395.
22. Смирнова О. А. Роман «Обломов» и дискуссия о его герое в XIX — начале XX века как источник изучения специфики понимания русского национального характера // Вестник ОГУ. — № 4 (123). — 2011. — С. 142–152.
23. Соколова В. Ф. Этнографическое направление в русской литературе XIX века // Культура и цивилизация. — 2017. — № 1. — С. 257–265.
24. Старыгина Н. Н. Система локальных свертхтекстов русской литературы // Вестник ЧГПУ им. И. Я. Яковлева. — № 3 (95). — 2017. — С. 129–136.
25. Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического. — М. : Прогресс-Культура, 1995. — 621 с.
26. Тюпа В. И. Анализ художественного текста. — М. : Академия, 2009. — 336 с.
27. Ушакова Д. О. Инонациональный текст в путевых очерках Я. П. Полонского кавказского периода творчества // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. — 2019. — № 4 (65). — С. 130–143.
28. Фокеев А. Л. Этнографическое направление в русском литературном процессе XIX века: истоки, тип творчества, история развития : дис. ... д-ра филол. наук. — М., 2004. — 46 с.
29. Чехов А. П. Остров Сахалин. Из путевых записок. — Владивосток ; Южно-Сахалинск : Рубеж, 2010. — 352 с.
30. Sub specie tolerantiae. Памяти В. А. Туниманова / отв. ред. А. Г. Гродецкая. — СПб. : Наука, 2008. — 613 с.

References

1. Abdurafova K. T. Representation of the geocultural space in A. P. Chekhov's essays "From Siberia". *Fenomen tvorcheskoy lichnosti v kulture: Fatyushchenkovskiye chteniya. Vypusk 10: Materialy X Mezhdunar. nauch. konf.* [The phenomenon of the creative personality in culture: Fatyushchenko readings. Iss. 10: Proceedings of X International scientific conference]. Moscow, Nauka, 2023, pp. 242–247. (In Russian).
2. Aksenova M. V. Travelogue: travels journey of the genre and the genre of travel. *Aktualnyye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki*. [Relevant problems of philology and pedagogical linguistics]. 2018, iss. 3 (31), pp. 170–174. (In Russian).
3. Antsiferov N. P. *Dusha Peterburga*. [The soul of Petersburg]. St. Petersburg, Brockhaus and Efron Publ., 1922, 228 p. (In Russian).
4. Balakin A. Yu. I. A. Goncharov a participant in negotiations with the Japanese (based on materials from the Russian State Archives of the Navy). *Literaturnyy fakt*. [Literary fact]. 2019, iss. 4 (14), pp. 293–313. (In Russian).
5. Bakhtin M. M. *Literaturno-kriticheskiye statyi*. [Literary critical articles]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura, 1986, 541 p. (In Russian).
6. Goncharov I. A. *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem: v 20 t.* [Complete works and letters: in 20 volumes]. St. Petersburg, Nauka, 1997, vol. 2, 642 p. (In Russian).
7. Guseva E. A. Formation and development of the physiological essay in Russian literature. *Voprosy russkoy literatury: nauchnyy filologicheskyy retsenziyemyy zhurnal*. [Issues of Russian literature: scientific philological peer-reviewed journal]. 2018, 20 (77), pp. 13–26. Available at: <https://m.eruditor.one/file/4108196/> (accessed: 18.11.2024). (In Russian).
8. Ivanova N. V. Genetic basis of the genre of "travel notes". *Tekst i kontekst v literaturovedenii: sb. nauch. st. po materialam Mezhdunar. nauch. konf. XI Vinogradovskiye chteniya. Otv. red. S. A. Dzhanumov*. [Text and context in literary criticism: collection of scientific articles based on the materials of International scientific conference XI Vinogradov Readings. Ed. by S. A. Dzhanumov]. Moscow, Moscow State Pedagogical University; Yaroslavl: Remder, 2009, pp. 77–82. (In Russian).

9. Kotelnikov V. A. *Ivan Aleksandrovich Goncharov*. Moscow, Prosveshcheniye, 1993. 191 p. (In Russian).
10. Kurilo S. A., Novikova E. G. The image of Siberia as Russian colonial east in I. A. Goncharov's travelogue "Frigate "Pallada"". *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnyye issledovaniya*. [Bulletin of Tyumen State University. Humanitarian Studies]. 2022, iss. 4 (32), pp. 22–40. (In Russian).
11. Losev A. F. *Filosofiya. Mifologiya. Kultura*. [Philosophy. Mythology. Culture]. Moscow, Politizdat, 1991, 524 p. (In Russian).
12. Lotman L. M. I. A. Goncharov. *Istoriya russkoy literatury: v 4 t.* [History of Russian literature: in 4 volumes]. USSR Academy of Sciences Publ., Institute of Russian Literature (Pushkin House). Leningrad, Nauka, Leningrad Branch, 1980–1983. Vol. 3, The Rise of realism: History of Russian literature. 1982, pp. 160–202. Available at: <https://feb-web.ru/feb/irl/rl0/rl3/rl3-1602.htm> (accessed: 24.12.2024). (In Russian).
13. Lotman Yu. M. *Semiosfera*. [Semiosphere]. St. Petersburg, Iskusstvo-SPb., 2000, 563 p. (In Russian).
14. Mednis N. E. *Sverkhsteksty v russkoy literature*. [Supertexts in Russian literature]. Novosibirsk, Novosibirsk State Pedagogical University, 2003, 170 p. (In Russian).
15. Mokeeva I. N. Genre Originality of "Frigate "Pallada"" by I. A. Goncharov. *Goncharov I. A.: Materialy yubileyной goncharovskoy konferentsii 1987 goda. Red. N. B. Sharygina*. [Goncharov I. A.: Materials of Goncharov's Anniversary Conference of 1987. Ed. by N. B. Sharygina]. Ulyanovsk, Simbirsk Book Publ., 1992, pp. 95–104. (In Russian).
16. Nikulichev Yu. On social history of Russian literature. *Voprosy literatury*. [Issues of literature]. 1998, November/December, pp. 155–167. (In Russian).
17. Odínokov V. G. *Problemy poetiki i tipologii russkogo romana XIX veka*. [Problems of poetics and typology of the Russian Novel of the 19th century]. Novosibirsk, Nauka, 1971, 192 p. (In Russian).
18. Reshetova A. A. Travelogue as a source for study of local text (based on foreign travelers' notes about Ryazan in the 15th–17th centuries). *Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta imeni S. A. Yesenina*. [Bulletin of the Ryazan State University named for S. A. Yesenin]. 2023, iss. 2 (79), pp. 101–114. DOI:10.37724/RSU.2023.79.2.010. (In Russian).
19. *Sibirskaya identichnost v zerkale literaturnogo teksta. Tropy, toposy, zhanrovyye formy XIX–XXI vekov*. [Siberian identity in the mirror of literary text. Tropes, topoi, genre forms of the 19th–21st centuries]. Moscow, Flinta, Nauka, 2015, 384 p. (In Russian).
20. *Sibirskiy tekst v natsionalnom syuzhetnom prostranstve*. [Siberian text in the national space of plots]. Krasnoyarsk, Siberian Federal University Publ., 2010, 237 p. (In Russian).
21. Skibina O. M. Chekhov's travel essays in the context of mass literature: The problem of mutual influence. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki*. [Issues of theory and practice of journalism]. 2015, iss. 4, pp. 385–395. (In Russian).
22. Smirnova O. A. The novel "Oblomov" and debates about its hero in the 19th — early 20th centuries as a source for studying the specifics of understanding the Russian national character. *Vestnik OGU*. [Bulletin of OSU]. Iss. 4 (123), 2011, pp. 142–152. (In Russian).
23. Sokolova V. F. Ethnographic trend in Russian literature of the 19th century. *Kultura i tsivilizatsiya*. [Culture and civilization]. 2017, iss. 1, pp. 257–265.
24. Starygina N. N. System of local supertexts of Russian literature. *Vestnik CHGPU im. I. Ya. Yakovleva*. [Bulletin of the ChSPU named after I. Ya. Yakovlev]. Iss. 3 (95), 2017, pp. 129–136. (In Russian).
25. Toporov V. N. *Mif. Ritual. Simvol. Obraz: issledovaniya v oblasti mifopoeticheskogo*. [Myth. Ritual. Symbol. Image: Research in mythopoeics]. Moscow, Progress-Kultura, 1995, 621 p. (In Russian).
26. Tyupa V. I. *Analiz khudozhestvennogo teksta*. [Analysis of fiction text]. Moscow, Academia, 2009, 336 p. (In Russian).
27. Ushakova D. O. Ya. P. Polonsky on national traditions. Travel essays written in the Caucasus. *Vestnik Ryazanskogo Gosudarstvennogo universiteta imeni S. Yesenina*. [Bulletin of the Ryazan State University named for S. A. Yesenin, 2019, iss. 4 (65), pp. 130–143. (In Russian).
28. Fokeev A. L. *Etnograficheskoye napravleniye v russkom literaturnom protsesse XIX veka: istoki, tip tvorchestva, istoriya razvitiya: dis. ... d-ra filol. nauk: 10.01.01*. [Ethnographic trend in the Russian literary process of the 19th century: sources, type of creativity, history of development: dissertation ... of Doctor of Philology: 10.01.01]. Moscow, 2004, 46 p. (In Russian).
29. Chekhov A. P. *Ostrov Sakhalin. Iz putevykh zapisok*. [Sakhalin Island. From travel notes]. Vladivostok-Yuzhno-Sakhalinsk, Rubezh, 2010, 352 p. (In Russian).
30. *Sub specie tolerantiae. Pamyati V. A. Tunimanova. Rossiyskaya akad. nauk, In-t russkoy lit. (Pushkinskiy dom). Otv. red. A. G. Grodetskaya* [Sub specie tolerantiae. In memory of V. A. Tunimanov. Russian Academy of Sciences, Institute of Russian literature (Pushkin House). Ed. by A. G. Grodetskaya]. St. Petersburg, Nauka, 2008, 613 p. (In Russian).

Информация об авторах

Абдурауфова Камола Тулкинбек кизи — магистр филологии, соискатель кафедры литературы и журналистики Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина, преподаватель кафедры русского языка и литературы Шахрисабзского государственного педагогического института.

Сфера научных интересов: история русской литературы, жанровое и стилевое своеобразие путевой прозы А. П. Чехова.

Федосеева Татьяна Васильевна — доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и журналистики Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина.

Сфера научных интересов: история и теория русской литературы, художественный текст и контекст, ценностный аспект изучения, авторская субъективность в мире произведения.

Information about the authors

Abduraufova Kamola Tulkinbek kizi — Master of Philology, Doctoral candidate at Department of Literature and Journalism at Russian State University named for S. A. Yesenin, lecturer at Department of Russian language and literature at Shakhrisabz State Pedagogical Institute.

Research interests: history of Russian literature; genre and stylistic originality of A. P. Chekhov's travel prose.

Fedoseeva Tatyana Vasilyevna — Doctor of Philology, Professor at the Department of literature and journalism at Ryazan State University named for S. A. Yesenin.

Research interests: history and theory of Russian literature; fiction text and context; value aspects of study; the author's subjectivity in the space of the book.

Статья поступила в редакцию 26.04.2025; принята к публикации 10.07.2025.

The article was submitted 26.04.2025; accepted for publication 10.07.2025.